

Когда Вэйиньсы оказался в утробе плотоядного растения и уже готовился превратиться в лужицу крови, внезапно появился человек из-за пределов Священной земли и спас его.

Много лет спустя он узнал, что этот незнакомец был человеческим посланником из Страны ученых, которому поручили собирать и хранить семена редких растений. Поскольку он вошел в лес по приглашению воли самой Священной земли, стражи не считали его целью для устранения. До тех пор, пока он не приближался к основным запретным зонам, ему было позволено свободно перемещаться по лесу, осматривать его и собирать образцы.

Спасение Вэйиньсы было чистой случайностью. Семена этого плотоядного растения хранятся в защечных мешках внутри его пищеварительного мешка. Получить их, не повредив сам мешок, было невозможно, и в процессе извлечения семян человек случайно выпустил наружу и проглоченного Вэйиньсы.

Добыв семена, посланник даже не взглянул на Вэйиньсы и поспешил к следующей цели. Будучи одним из немногих людей, знавших, что это за место, он не хотел иметь ничего общего с местными обитателями.

Это было первое воспоминание Вэйиньсы о человеке из-за пределов барьера. Хотя внешне они были похожи, по духу они казались совершенно разными. Тот человек выглядел таким теплым, таким живым и притягательным. С этого момента молодой страж по имени Вэйиньсы начал мечтать о мире за пределами Священной земли.

— Ну и дела, вот уж невезенье. Едва удалось сбежать от учителя и найти мечту, как пришел черед умирать... — Вэйиньсы прекрасно понимал, что отравлен и вскоре станет лужицей крови, навсегда потеряв шанс увидеть мир за пределами Священной земли.

Перед тем как потерять сознание, Вэйиньсы увидел полное тревоги лицо Шаня.

— Учитель... вы пришли... — глядя на вспотевшего Шаня, Вэйиньсы подумал: несмотря на то, что он стер свой след, его все равно нашли. Учитель действительно невероятен, такие мелкие уловки его не обманут.

Состояние Вэйиньсы было хуже, чем предполагал Шань. Ему нужно было безопасное место для лечения. Шань осторожно взвалил Вэйиньсы себе на спину и изо всех сил помчался к дому:

— Все хорошо, Вэйиньсы, я здесь. Закрой глаза и поспи, мы идем домой.

На пропитанной потом спине Шаня Вэйиньсы, окончательно обессилив, провалился в забытие. Хотя он не знал, как именно спастись, учитывая мастерство Шаня в целительной магии, исцеление должно было быть для него сущим пустяком.

Однако, очнувшись, Вэйиньсы обнаружил, что Шань в ярости. Он впервые видел его таким:

никогда прежде у учителя не было столь ледяного выражения лица. Шань бросил ему несколько сложных, непонятных книг, потребовав прочесть их до своего возвращения, оставил запас еды и воды, которого хватило бы как минимум на неделю, и ушел, оставив Вэйиньсы в одиночестве в хижине.

Разумеется, в этот раз при уходе Шань поставил мощный барьер: никакое существо не могло войти внутрь, а Вэйиньсы не мог выбраться наружу.

Через пять дней Шань вернулся. Он выглядел изможденным, губы потеряли всякий цвет, а сам он сильно осунулся. Вэйиньсы не знал, что произошло с ним за эти пять дней, а Шань не проронил ни слова.

Но с того дня интенсивность тренировок Вэйиньсы возросла в несколько раз. Вэйиньсы казалось, что каждый день он живет в ночном кошмаре. К счастью, именно эта изнурительная подготовка позволила ему к двадцати годам обрести навыки, достаточные, чтобы вырваться из-под контроля Шаня и начать самостоятельную жизнь.

За семь лет рядом с Шанем его чувства к учителю сплелись из благоговения и зависимости. Поэтому, случайно обнаружив в комнате Шаня портрет женщины, черты лица которой напоминали его собственные, он естественным образом решил, что Шань — его отец.

Он полагал, что если будет достаточно стараться и слушаться, то заслужит признание Шаня, и тот ответит на все его вопросы, раскроет свои секреты и тайну его происхождения.

Но он ошибался.

Как бы он ни допытывался, Шань не проронил ни слова о его прошлом и никогда не дарил той отцовской теплоты, которой он так жаждал. Их отношения даже отдаленно не напоминали связь других учителей и учеников. Забота Шаня всегда сопровождалась несомненным желанием контролировать и скрытыми целями, словно невидимая клетка, пытавшаяся крепко сковать его.

Поэтому в двадцать лет он, невзирая ни на что, сбежал от Шаня. Он думал, что, сбежав, обретет свободу и найдет собственную жизнь. Но прошло шесть лет, и, скитаясь в борьбе за выживание, пройдя через столько боли и унижений, он понял: некоторые вещи, однажды впитавшись в кости, уже никогда не отпустят.

Искаженная ненависть к Шаню и нежелание признавать свою зависимость от него никуда не делись. Вчерашний поступок стал кульминацией эмоций, подавляемых более десяти лет, его самым яростным протестом против контроля Шаня.

Но после бунта осталась не свобода, а пустота, которую нечем было заполнить, и еще более глубокая запутанность. В этот миг он внезапно осознал, что так называемая ненависть, поддерживавшая его долгие годы, возможно, вовсе не была настоящей ненавистью. Он начал

размышлять: что именно он ненавидит на самом деле? Учителя, который забрал его? Односельчан, которые не попытались удержать? Или ту Священную землю и традиции, которые каждый в лесу был вынужден соблюдать ради выживания?

Вэйиньсы перевернулся и уткнулся лицом в подушку. От нее исходил слабый, его собственный запах, но это не приносило успокоения. Смешно подумать, но последний раз он спал спокойно шесть лет назад.

Снизу донесся легкий шум — должно быть, Шань доедал похлебку.

— О чем, черт возьми, этот человек думает сейчас? — пробормотал Вэйиньсы, пряча лицо в подушку.

Жалеет ли он, что пришел за ним? Или планирует, как отомстить? Зачем он вообще здесь появился? Неужели хочет забрать его обратно? Вряд ли он всерьез собирается остаться здесь навсегда.

Вэйиньсы не знал и не хотел знать. Он предпочел бы, чтобы все это было лишь кошмаром. Он знал только то, что очень устал. Устало тело, а душа — еще больше.

Он закрыл глаза, пытаясь уснуть, но в голове, словно калейдоскоп, замелькали картины прошлого: тяжелые тренировки в лесу, спокойное и суровое лицо Шаня, таинственный портрет, решимость в момент побега, отчаяние и беспомощность после предательства друзей, унижения в рабстве, песчаные бури в Горле Миражей и вчерашние глаза Шаня, полные жалости и недоумения...

Неизвестно, сколько времени прошло, прежде чем он наконец провалился в глубокий сон.

...

Внизу Шань медленно доедал похлебку из миски. Вкус был простым, с густым мясным ароматом и легкими нотками специй — вкус, который он никогда раньше не пробовал, но который оказался неожиданно теплым.

Тем не менее он произнес:

— Какая гадость.

<http://bllate.org/book/22458/2361949>